

# Встреча друзей

Ленинградский зритель встретил вахтанговцев как давних и верных друзей. Второй дружбе — на много, на много — 25 лет. Как ни потешна эта цифра (подумать только, — четверть века!), в жизни и творчестве интереса Ленинградцев к спектаклям театра имени Вахтангова меньше всего силы инерции, привычки, ореола давним-давно завоеванного авторитета.

Искусство, как и жизнь, не может жить одним воспоминаниями, хотя хорошие воспоминания подкупают и обязывают. И если уж einmal речь о воспоминаниях, — как не вспомнить сейчас, в «блестящий» приезд вахтанговцев, чудесную весну 1923 года, когда после записки Большого драматического театра впервые появились четыре озорных, притягивающих «массы» московского спектакля, хором востановив зрителью, что «спредставление сказки Гоцци «Прищесца Турандот» начинается!».

Непосредственно, неутомимо подтрунивая над товарищами, японскими артистами «великий кашпер Тарматия» (роль которой играл актер «...») и участники «...». Но «...» закончилась парад, и под озорную музыку, исполняющуюся «на гробиках», артисты, одетые во фрак и балетные платья, подбрасывая в воздух нежные куски материи, начали импровизировать обою костюми.

К окончанию застрелы театра имени Е.а. Вахтангова

затем, выступивший в ряд у рампы, обратившись в ярко освещенный зал с лукавой песенкой:

— Вот мы начинаем Нашей песенкой прстой, Через пять минут Китаем Станет наш помост крутой...

И началось это крохотное жизнеутверждающее представление, последнее создание великого советского художника Е. В. Вахтангова. Всего лишь год отделил тогда нас, первых ленинградских зрителей этого спектакля, от памятного вечера, когда вахтанговцы поклялись своим учителям театральную репутацию «Принцессы Турандот», К. С. Станиславский из театра передавал по телефону смертельно больному, так и не увидевшему своей постановки Вахтангову, что этот спектакль — праздник для всего Художественного театра. Так же крепко и многозначно звучала тогда благодарность В. И. Немировича-Данченко «за высокую художественную радость, за чудесные достижения, за безграничную смелость при разрешении новейших театральных проблем, за упорное и неистощимое творчество имени Художественного театра». Эти чувства были — по крайней мере — близки всем зрителям спектакля, а именно как веселая, алая, полная радости, жизни...

Всего три постановки удалось осуществить на сцене своего театра

Вахтангову — и все эти спектакли были показаны ленинградцам в дни первых гастрей вахтанговцев. По-своему переосмысливая и представляя старую сказку о Турандот бесстрашная сатра, обаятельная мещанина, халасте, злобные, и вахтанговских постановках «Чуда святого Антония» Флора и «Свадьбы» Тихона.

Незабываем был — неожиданный для всех, кто помнил забавный человеческий подвиг, — финал «Свадьбы», когда озорливый, умиленный кандал Ромулов в зловещей тишине кричал «Человек, уведите меня» — а на него безмолвно таинственно, пылочно хари мещан — свадебных гостей...

Художник много времени, ищущий смерти в самом начале пути, Вахтангов несся в 1919 году в знаменательной статье «О художника-спрохте»: «Если художник хочет творить новое, творить после того, как пришла она, Революция, то он должен творить вместе с народом. Ни для него, ни ради него, ни вне его, а вместе с ним. Чтобы создать новое и одержать победу, художнику нужна Антеева земля. Народ — вот эта земля». Дневники Вахтангова исполнены записями о методе революционного художника: «Надо заместить — надо сыграть мятежный дух народа».

Вахтангов умер, но получил еще от писателей достойной драматургической основы для создания таких спектаклей. Воплотить мечту — знает Вахтангов в женой сплочен-

ской форме во многом довелось его ученикам.

Постановку «Виринея», в которой впервые появились на сцене театра живые образы советской современности, ленинградцы увидели вскоре же после московской премьеры. Умение сочетать жизненность с остро театральным выражением — это стало для вахтанговцев наиболее значительным работам вахтанговцев.

Достаточно назвать также постановки, как «Варушка» Леонова, «Темп» и «Архитектура» Ногодина, «Разлом» Лавренева, «Человек-ружьем» Гогодяна со Пушкиным в роли В. И. Ленина. Ленинградцы неизменно делали с московским зрителем радость удач театра, и в этом отношении особенно памятен приезд коллектива, состоявшегося из пятидесяти лет назад. Тогда мы увидели для новых артистов постановки вахтанговцев — незабываемого подвиги классического «Евгения Онегина» М. Горького и «Исторический» Л. Славина, архаичную с тех пор свыше 500 раз и сейчас, после 7—8 лет перерыва, возобновленную театром.

На сегодняшний день артисты театра «Исторический» не имеет ни одного «ролика». Она показывается в окружении спектаклей разного характера и масштаба. Не все эти спектакли — надо прямо сказать — отвечают лучшим традициям театра, как бы внешне занимательны и эффе́кты они ни были. О неутомимом интересе театра к современной теме, о равностороннем поиске — нового репертуара свидетельствуют постановки «Приезжайте в Звонкое» и «Мавар Дубрала» А. Корнейчука, «Возмездие» Г. Гейстера, бр. Тур-

Ленинградский зритель по достоинству расценил умную и неутомительную работу вахтанговцев по постановке острого, социально углубленного спектакля, разоблачающего американскую «демократию» — «Глубины корня». Можно лишь пожалеть, что на последние гастрольных афишах театра не было таких его значительных работ на современную тему, как смело и своеобразно поставленный «Фронт» А. Корнейчука или новый единичный вариант «Молодой гвардии» А. Фадеева.

С жутким интересом и — не столько — тревогой или даже с возмущением «Исторический». Слишком уж увлекательны были воспоминания об этом живом и ярком спектакле, стремительном перескоке мав в Одессу 1918 — 1919 гг. и показывавшем героическую борьбу большевистского подполья против интервентов, сокращающих распад армии Антанты, отток рабочих и крестьян, одетых в солдатские мундиры, задушить молодую советскую республику...

Успех возобновленного спектакля у ленинградских зрителей подтвердил, что он с честью выдержал испытание временем. Призвал, как и в дни премьеры (а, возможно, еще сильнее), театры, что слишком схематично показаны образы тех удивительных людей, горстки большевиков, которые, отдавая в тылу у интервентов, подвизаясь прежде всего оружием большевистской правды, слова, жгущего сердца, сумели внести революцию в ряды армии интервентов. В том, что эти образы, при всей своей образности, обозначены в спектакле лишь пунктиром, меньше всего приходится упреждать талантливых ак-

ров-актеров этого спектакля А. Орляно (Орловская), П. Мануричу (Жаппа), Б. Шухмина (Стеллико) и юных исполнителей роли Вроцкого — А. Абрикосова и И. Дороница. М. Державина, когда приходило дебютировавшего в роли сенатского стрелка Али, а теперь с большой плутовской силой играющего роль большевика-моряка Бондаренко.

Театр намечает постановку новой пьесы Л. Славина — своеобразный эпизод к «Историческому» — «Конец мадам Бондас». Эта пьеса рассказывает о том, как в годы Великой Отечественной войны в той же Одессе, временно захваченной фашистскими оккупантами, героически борются сыновья и воспитанники старых большевиков. Хочется думать, что в новой пьесе эти образы станут действительно центральными.

Тема международной солидарности трудящихся с наибольшей силой раскрывается в «Историческом» в провоском «коллективном портрете» французских солдат, где что ли персонаж — то живой, колоритный образ. В центре, как и прежде, разумом, многогранной, словно плазменносильный человек, неутомимый энергией образ умного, вдумчивого и при всей своей лукавности прямолинейного Селестена в исполнении А. Горюнова.

Полуживому сверкает сатирическими красками отделанная с филигранной точностью и восприимчивым баском лепнина портретов людей старой буржуазно-мещанской Одессы, ее ханжы и подонки.

Зрители, хранящий в памяти живое волнение от воздушного драматического образа старой патристичности, сыгранной в «Глубинах кор-

нях» М. Сивильяновой, двойное оценит искусство актрисы, дающей из этот раз виртуозное сатирическое разоблачение балетных Келдас. Фляшка-алкоголик (Р. Симонов) и его окружение — шулер Имерпак (А. Амар), Товарищ (А. Ренкова), Жена Бондас (Н. Лисский), растерянный ангел (В. Бакин) вплоть до лоботом на мастерицы очерченных эпизодических, почти бессловесных персонажей — обыватели (Н. Пажитнов), конферансье (Г. Мерлиньский), кондасовский «сержант» переросток Вася, — все это и живописно и сценически выразительно типы.

Пьеса Славина, любезительно поставленная режиссером Р. Симоновым и оформленная художником И. Рабиновичем, звучит не только исторически, но и современно.

Спектакль подходит к концу. Вновь раздвигаются стены отчаявшегося от Одессы корабля «Империал», на котором обитательские оккупанты уводят «своих» солдат, но во всю глубину сцены высятся знаменитая одесская лестница, по которой поднимаются вверх, в город, решившие остаться на полной родине три французских солдата. Как и пятидесяти лет назад, попрощавшись живыми и влюбленным, боевым знакомством звучат прощальные слова заключительного монолога Селестена: «...Прощай, ребята, я буду думать, вы будете думать, и мы найдем для них настоящую цель!».

Сим. ДРЕЙДЕН